

почти тотчас приписали Боэцию, среди произведений которого ее публиковали вплоть до нынешнего века.

Собственное творчество Гундиссалина является ценным свидетельством первой реакции христиан на контакты с арабской и еврейской философией до Аверроэса. Открывшийся им мир был одновременно новым и знакомым. Они не предвидели его строения, но обладали ключом к нему. Хал-кидий, Боэций, Дионисий, Эриугена, Теодорик Шартрский, Гильберт Порретанский клали в основу своих положений те же платоновские начала, что господствовали в космогониях, существование которых открылось им из их собственных переводов. В этом отношении поучительна сама ошибка, вследствие которой трактат «О единстве» Гундиссалина стали считать произведением Боэция. Это была фактическая ошибка, поскольку в трактате упоминается Гебироль, но с философской точки зрения это вовсе не абсурдно, ибо формулировки, которыми руководствовался Гундиссалин, восходят к Боэцию, а через Боэция — к Плотину, от которого Гебироль и Авиценна шли своими собственными путями: «Unitas est quae una quaeque res una est, et est id quod est» * * *; или: «quidquid est ideo est quia unum est»****; и еще: «omnis esse ex forma est»*****. Есть немало утверждений, общих для всех видов платонизма, христианских и прочих, которые только дожидались арабских космогоний, чтобы завладеть ими как собственным имуществом и ассимилировать.

Высказывалось предложение — и, как кажется, не без успеха — называть доктринальные позиции такого рода «теологическим комплексом». Ибо были и другие позиции, и возможно, что прогресс в истории идей в средние века отныне состоял отчасти в их

Глава VII. Греч, и араб, влияния в XIII в. и основание университетов

288

описании и классификации. Каждая из них является по сути «комплексом, так как она вырисовывается на стыке нескольких доктринальных направлений: значит, у нее несколько источников. То же самое — и прежде всего — относится к комплексу как таковому, поскольку в единстве общей интуиции в нем комбинируются несколько фундаментальных теологических положений» (М. А. Вилкнер). Несомненно, именно поэтому такие позиции, которые легче описать, чем определить, очень трудно обозначить формулой, которая, упрощая, не искажала бы их. Впрочем, между этими организмами идей существуют посредствующие формы и даже прямые связи. Ни один индивид полностью не отражает характеристик вида, однако полезно иметь некоторый тип, присутствующий в мышлении как принцип классифицирования и объяснения. Очевидно, в частности, что платоновская метафизика «ousia» (сущности) послужила направляющим принципом для целой группы христианских теологов, который способствовал осмыслению ими их христианства, и что родоначальником такой группы в латинском мире является св. Августин. Других больше вдохновляла метафизика Единого, разработанная Плотинем, а что касается латинских мыслителей, то свою технику они заимствовали прежде всего у Боэция. Так как все разновидности платонизма взаимосвязаны, обмен идеями между этими группами не был редкостью, и именно этот обмен, а не разделение, способствовал прогрессу. Так, творчество Гундиссалина выросло прежде всего из комплекса «О единстве» («De unitate»); потом другие мыслители присоединятся к нему или же образуют группы, различные и родственные одновременно.

Первый арабский натиск, осуществлявшийся из Испании, нес идеи аль-Фараби, Авиценны и Альгазеля, известных латинянам. Как мы уже знаем, сочинения этих философов